
РЕЕСТР
ЗАПРЕТНЫХ
КЛЯТВ

Антон Елисеев

Реестр запретных клятв

«Автор»
2026

Елисеев А.

Реестр запретных клятв / А. Елисеев — «Автор», 2026

Каждый рассвет забирает у Норы Ремер ещё один год жизни. Реестр утверждает, что она нарушила клятву, хотя её обязательство исполнено. Сын Норы ищет человека, способного остановить взыскание.Селина Вейл, специалистка по магическим обязательствам, обнаруживает следы подделки свидетельств. Инспектор Рейн Вальтер обязан защищать закон — но кто-то превратил закон в способ присваивать чужие годы. Пока в городе готовят новые записи, Селине и Рейну предстоит решить, чему верить: печатям Реестра или людям, которых эти печати обрекают на преждевременную старость. И смогут ли они довериться друг другу, когда цена ошибки измеряется жизнью?

© Елисеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Потерянный рассвет 5
Глава 1. Шесть лишних лет 5
Глава 2. Печать не врёт 9
Глава 3. Инспектор 13
Глава 4. Седьмой год 16
Глава 5. Слова и свидетели 19
Глава 6. Куда ушёл год 22
Глава 7. Ночью исправлено 25
Глава 8. Внутри закона 28
Часть II. Покупатели 32
Глава 9. Белый коридор 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Антон Елисеев
Реестр запретных клятв

Часть I. Потерянный рассвет

Глава 1. Шесть лишних лет

Когда Нилс перестал узнавать мать по походке, он начал оставлять свет в прихожей.

Нора поняла это только на шестое утро. Лампочка над зеркалом горела уже при дневном свете, и мальчик, собираясь в школу, старательно делал вид, будто забыл её выключить. Он был почти с неё ростом, с узкими плечами и привычкой подбирать хлебные крошки прямо в ладонь. Раньше она говорила, что так поступает её отец. Теперь Нилс делал это молча.

— Мама, сегодня ты останешься дома?

Она застегнула пальто. Нижняя пуговица выскользнула из пальцев — второй раз за минуту.

— Если останусь, они решат, что я признала недостачу.

— Они уже решили.

Он произнёс это без злости. Именно поэтому Норе захотелось сказать какую-нибудь жестокость: про его пятёрки, про разбросанные кеды, про то, что дети ничего не понимают в ответственности. Она удержалась.

На кухонном столе лежала выписка. Вверху, между гербом городского Реестра и фамилией Ремер, стояло: «Длящееся неисполнение клятвы. Взыскание действует». Под строкой шли шесть дат. Нора уже не смотрела на них по отдельности. Она видела шесть одинаковых кружков утреннего чая, которые оставались на подоконнике, пока Нилс сидел рядом с ней и ждал, когда перестанут дрожать её руки.

Паспорт утверждал, что ей сорок три.

Зеркало упрямо показывало женщину, которая прошла ещё шесть лет. Резкие складки возле губ, сухость на костяшках, серебряные волоски над левым виском. Её мать поседела рано, и Нора всегда думала, что спокойно к этому отнесётся. Но видеть результат шести утр было хуже, чем прожить шесть лет: между вчерашним и сегодняшним лицом отсутствовала жизнь.

— Я нашёл одну женщину, — сказал Нилс. — Она разбирается в клятвах. Не в тех, где людей просто разводят на деньги, а в настоящих.

— Откуда ты знаешь, что она разбирается?

— Я прочёл её решения. Там ссылки на исходные акты.

— Ты читал решения?

— Три. Четвёртое было за плату.

На секунду ей стало легче. Так Нилс говорил раньше — с тем неуловимым удовольствием, с каким сообщают о разгаданном задании.

— Покажешь адрес?

Он протянул листок. На обороте школьного расписания чёткими буквами было написано: «Селина Вейл. Независимая экспертиза клятв и свидетельств». Ниже адрес, время приёма и телефон.

— Только не ходи со мной, — сказала Нора.

— Я сегодня и не могу. У нас контрольная.

Она не поверила. В этот день в его классе не было контрольных; он придумал её, чтобы не пришлось просить остаться дома. Нора не стала разоблачать сына.

По дороге в центр автобус резко затормозил, и ей пришлось схватиться за поручень обеими руками. Женщина напротив привстала, предлагая место. Нора отказалась слишком резко, а потом, стыдясь, попросила водителя открыть дверь на ближайшей остановке. До конторы она шла пешком. Линденбрюк пах мокрой листвой и горячими каштанами из лотка; над рекой стелился утренний туман. Город выглядел таким же, как неделю назад. Это возмущало больше всех справок.

На третьем этаже старого торгового дома Нора увидела дверь с потускневшей латунной табличкой. За дверью тихо стучали часы. Молодая женщина за столом пыталась вынуть застрявшую скрепку из толстого пакета документов. На двух пальцах у неё темнели чернильные пятна.

— Госпожа Вейл?

— Да. Вы записаны?

— Нет. Я пришла раньше, чем успела решиться позвонить.

Женщина положила скрепку и встала. Она не посмотрела на морщины Норы, как смотрели регистраторы: с любопытством, которое тщательно скрывают за сочувствием. Её взгляд остановился на папке, прижатой к груди посетительницы.

— Садитесь. Воду или чай?

— У меня нет времени на чай.

— Тогда воду. Документы тяжёлые?

— Не тяжелее того, что в них написано.

Селина помедлила, потом молча поставила стакан и закрыла дверь в коридор. В конторе было тесно: шкаф, один длинный стол, узкое окно над трамвайными проводами. За стеклом кто-то смеялся в телефон, и Норе захотелось услышать, о чём.

— Я финансовый распорядитель жилищного кооператива «Северный берег», — начала она. — Храню целевые средства жильцов. Три года назад мы переходили на другую форму попечительства. Совет предложил мне принести клятву.

— Вы могли отказаться?

— Могла. Тогда они назначили бы другого человека. Я согласилась, потому что люди оставляли мне деньги на ремонт своих домов. Я хотела, чтобы они знали: я отвечаю по-настоящему.

— Кто засвидетельствовал клятву?

— Районный уполномоченный. Всё по правилам. Текст у меня здесь.

Нора протянула ладонь. На внутренней стороне запястья лежал тонкий знак, похожий на два соединённых полукруга. Обычно он был буровато-золотым. Теперь один край почернел, будто по коже прошлись раскалённой проволокой.

Селина пододвинула настольную лампу, остановилась.

— Можно?

Нора кивнула. При косом свете печать раскрыла строки — крохотные и ясные, словно написанные не чернилами, а в глубине кожи. Селина сняла очки и прочла вслух только начало: добровольное попечительство, принятые средства, обязанность беречь их и при удостоверенной недостаче восстановить остаток до закрытия проверки.

— У меня не было недостачи, — сказала Нора. — Вообще никакой. В банк ушёл перевод, он подтверждён. Подрядчик получил всё, что ему причиталось. Но в Реестре написали, что я удерживаю деньги кооператива и не восполнила сумму. Откуда я могу её восполнить, если она перечислена?

Селина пролистала банковские подтверждения. Все были подлинными на вид: номер платёжного поручения, время отправки, время приёма, отметка второго подписанта. В одном месте стояла рукописная поправка.

— Почему здесь две подписи?

— Совет ввёл второй контроль после прежнего председателя. Он любил рассчитываться наличными. Я настояла, чтобы больше так не делали.

— А это?

— Подтверждение районной конторы о закрытии расчёта. Я получила его лично. Вчера мне сказали, что такого акта не существует.

На листе был синий оттиск и фамилия служащего, которую Нора обвела карандашом уже дома.

Селина положила рядом официальную выписку Реестра. Там значилось то же обязательство, но ниже, в разделе внешнего удостоверения, стояло: «Недостача не закрыта. Решение продлено».

— Вам предъявляли первичный акт о недостаче?

— Нет. Прислали уведомление. Потом второе. Я ходила туда каждый день. На третий меня перестали пускать без очереди для старших заявителей.

Она сказала «старших» и почувствовала, как предательски дрогнули губы.

— Расскажите о первом утре, — попросила Селина.

— Вы действительно хотите это слушать?

— Да.

— Я проснулась и увидела на руке чёрную полосу. Решила, что ночью ударилась. Потом натянула брюки, которые носила в пятницу, а они стали тесны в талии. Не сильно. Я отнесла их к портнихе. Она спросила, не изменился ли мой вес. На следующий день я не смогла снять кольцо. Нилс принёс масло, мы смеялись. На третье утро он уже не смеялся.

Селина ничего не записала. Нора пожалела, что пришла: если специалист не пишет, значит, дело безнадёжно.

— Почему вы молчите?

— Пытаюсь понять, что именно следует остановить до завтрашнего рассвета. Вас наказали за нарушение, которое, по вашим документам, не происходило. Пока Реестр удостоверяет, что недостача продолжается, с вас будут брать по году каждое утро.

— Мне это известно. Я шесть раз смотрела, как происходит.

— Вы обращались за приостановкой?

— Семь заявлений. В первых двух были ответы, в остальных — номер очереди.

— Мне нужны копии всех семи. И согласие на обращение в независимую Инспекцию. Это не остановит санкцию автоматически.

Нора посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который произнёс очевидное слишком поздно.

— Я не прошу вернуть мне молодость. Вы понимаете? Мне надо дожить до момента, когда сын закончит школу. Когда я постарею сама, он хотя бы привыкнет.

Селина вынула из ящика бланк доверенности. Её руки двигались быстро, но она заставила себя писать разборчиво.

— Я попробую добиться срочной проверки. Не обещаю, что до утра они успеют.

— Вы хотя бы допускаете, что ошиблись они?

Селина посмотрела на отпечаток печати. Его было невозможно подделать обычной краской, и никакая справка не могла изменить произнесённые однажды добровольно слова.

— Я допускаю кое-что хуже, — ответила она. — Ошибка обычно оставляет след. Здесь следы ведут в разные стороны.

В дверь коротко постучали. Нора вздрогнула всем телом.

На пороге стоял мальчик в школьной куртке, уже слишком короткой ему в рукавах.

— Ты сказал, что у вас контрольная, — произнесла она.

— Она завтра.

— Нилс.

— Я принёс оригинал квитанции. Ты оставила его под сахарницей. Я подумал, он нужен.

Он протянул сложенную бумагу, внимательно рассматривая Селину. На лице у него не было просьбы; только усталое недоверие взрослого, который ещё не привык быть взрослым.

Селина развернула квитанцию. Внизу, рядом с синей печатью, стояла фраза: «Принято полностью. Обязательство по хранению суммы исполнено». Под ней время — за два дня до первого взыскания.

— Вы не хотите, чтобы Нилс присутствовал? — спросила она.

Нора долго молчала. Потом подтянула стул ближе к сыну.

— Пусть остаётся. Он и так знает больше, чем должен.

Уходя, Нора спросила только одно:

— Когда вы будете звонить?

— Сейчас.

Селина набрала номер Инспекции, дождалась ответа секретаря и назвала номер действующей печати. На другом конце провода попросили изложить просьбу письменно. Она сказала, что письмо уже готовится, но человеку нужен экстренный приём до утра.

— Ожидайте решение в установленный срок.

— У неё рассвет — установленный срок, — ответила Селина.

В трубке повисло молчание. Потом голос предложил оставить сообщение руководителю.

Селина посмотрела в окно на уходящих по мокрому тротуару мать и сына. Нилс шёл со стороны проезжей части, заслоняя Нору от брызг. Она попыталась отстранить его руку, но он взял её под локоть снова.

— Запишите, — сказала Селина. — И передайте дословно. Если завтра она потеряет ещё год, ваше ожидание тоже станет частью дела.

Трубку положили. Часы продолжали стучать, как будто в них было достаточно времени для всех.

Глава 2. Печать не врёт

До полудня Селина успела трижды перечитать клятву Норы и один раз заподозрить саму себя.

Печать на запястье не давала ей покоя. Существовали редкие случаи, когда человек неверно помнил собственные слова: при стрессе, в болезни, после тяжёлого развода. Стороны тогда спорили о значении обязательства, но неизменяемая запись не допускала подмены. Когда-то это считалось главным достоинством системы. Человек мог забыть обещание, чиновник мог солгать о нём, а исходные слова оставались.

Селина распечатала фотографию печати, которую Нора разрешила сделать для экспертизы, и разложила вокруг неё бумаги. Мелкая строка на коже воспроизводилась без разрывов. За три года она не менялась; в старом удостоверении районной палаты были те же слова, та же расстановка оговорок.

«Беру на себя охрану доверенных средств кооператива и, при удостоверенной недостаче, обязуюсь восстановить их до признанного закрытия расчёта». Следом — добровольное признание Реестра свидетелем внешних фактов передачи и закрытия. Нора могла не принимать такой порядок. Приняла. Серьёзное обещание, ясно произнесённое взрослым человеком перед уполномоченным лицом.

— Значит, печать настоящая, — сказала Селина пустой комнате.

В действительном нарушении тело теряло год сразу после удостоверенного факта. Если обязательство продолжало оставаться неисполненным, последующие рассветы прибавляли санкцию. Фраза «продолжается» в центральной записи объясняла шесть утр. Однако ничего не говорила о том, существовала ли недостача.

Она позвонила в районную контору. Ей ответил дежурный, который сообщил, что оригиналы хранятся отдельно от центрального реестрового зеркала. Без разрешения клиента сведения не выдаются. Селина продиктовала номер доверенности.

— Мне нужен первичный акт о закрытии кооперативного платежа.

— Для сверки центральной записи?

— Для проверки, почему запись противоречит документу у моей клиентки.

Дежурный замялся.

— У нас все подтверждения уходят в городскую систему автоматически.

— Я спрашивала об оригинале.

— Его мог принять другой регистратор.

— Именно поэтому и спрашиваю.

Ей дали адрес хранителя журнала и предупредили, что документы не покажут раньше следующего дня. Независимый первичный архив работал по старым правилам: доступ по согласию, выдача под расписку, бумаги с нумерованными страницами. Эти правила часто раздражали клиентов, но сейчас впервые за утро принесли Селине облегчение.

В центральном Реестре ей ответили через час. Ответ был безупречно вежливым и совершенно бесполезным: система подтверждает непрерывную действующую санкцию, основания находятся в деле, претензия будет рассмотрена. На вопрос о банковской отметке пришло автоматическое сообщение: «Внешние сведения не опровергают заверенного факта до завершения апелляции».

Селина прочла его вслух дважды. Во второй раз не выдержала и засмеялась.

Входящий звонок прервал её. Нора говорила из служебного кабинета, стараясь не повышать голос.

— Меня отстранили от кассы. Не увольняют пока. Председатель говорит, что жильцы нервничают.

— Вы предъявили им квитанцию?

— Показала. Один сосед сказал, что если бы не было недостачи, меня бы не наказывали. Он живёт на четвёртом этаже, его батареи мы меняли осенью. Я сама проверяла смету.

— Можете передать председателю, что до окончания проверки не следует делать публичных выводов?

— Я могу. Только он не слушает.

На заднем плане хлопнула дверь, и Нора вдруг спросила:

— А если в моей печати написано что-то другое? Может, я произнесла не ту строку?

Селина посмотрела на старое удостоверение.

— Я проверила. Текст совпадает до знака. Ваша печать не врёт.

— Тогда почему мне приходится доказывать, что я не украла деньги?

Ответа, который имел бы право прозвучать уверенно, Селина пока не знала.

Во второй половине дня она пошла к прежнему свидетелю клятвы Норы. Здание районной палаты стояло у бывшей ткацкой фабрики, и в его вестибюле пахло сырыми перчатками. Приём вёл седой уполномоченный, которого Селина помнила ещё по стажировке. Он просматривал бумаги при свете маленькой настольной лампы, хотя над головой ярко горел потолок.

— Вейл, — сказал он без приветствия. — Ты снова пришла ругаться с формулярами?

— Содержимое формуляров меня устраивает, пока оно правдиво.

— Это делает нас обоих несчастными. Садись.

Она показала копию удостоверения, не требуя закрытых материалов.

— Помните эту клятву?

— Обычное попечительство. Для такой работы люди идут сюда раз в несколько месяцев. Женщина была серьёзная. Перед началом трижды спросила, что произойдёт, если банк задержит платёж, который она уже отправила.

— И что вы ответили?

— Что нужно сохранять независимую квитанцию о передаче. Не доверять одному экрану. Тогда можно доказать исполнение, если возникнет спор.

— Она сохранила.

— Умница.

— Её шестой раз наказали на рассвете.

Седой свидетель медленно снял очки.

— За задержанный платёж?

— За засвидетельствованную незакрытую недостачу, которой, по документам, не было.

— Ты утверждаешь, что Реестр удостоверил ложный внешний факт?

— Пока задаю вопрос. У меня есть подписанная квитанция.

Он посмотрел на Селину с непривычной настороженностью.

— Три года назад я бы вызвал хранителя и сравнил два экземпляра. Теперь центральная запись считается проверенной до доказательства обратного.

— А физическая санкция тоже считается проверенной?

Свидетель опустил взгляд на свои руки. На безымянном пальце у него была белая полоска от снятого кольца.

— Ты давно работаешь вне палаты, Селина. Мы здесь живём с тем, что можно удостоверить. Справедливость сама в кабинет не приходит.

Её укололо знакомое раздражение. Она знала такие ответы: каждый в отдельности звучал как забота о законе, а вместе они оставляли людей стареть под окнами учреждения. Но он не был её врагом. Старик позволил ей сфотографировать открытую инструкцию о создании добровольной клятвы и выписал номер первичного журнала исполнения. Больше законно сделать он не мог.

Возле выхода Селина увидела молодую пару. Мужчина держал букет цветов и настойчиво спрашивал у секретаря, где можно «закрепить обещание любви, чтобы никто никогда не ушёл». Секретарь терпеливо объясняла, что брак и признание не создают личной печати, а принудить к романтическому обету невозможно. Женщина рядом молчала и смотрела на улицу.

Селина задержалась на лестнице. Несколько лет назад она сама читала будущим супругам лекцию о том, как легко люди путают чувства с гарантиями. Сейчас ей захотелось вмешаться, но девушка взяла букет, оставила его на подоконнике и вышла первой. Мужчина побежал следом.

На улице зазвонил телефон. Нилс.

— Вы обещали маме позвонить сегодня.

— Я позвоню, как только вернусь в контору.

— Лучше мне. Она сейчас в аптеке.

— Ей плохо?

— У неё болят суставы. Врач сказал, что таблетки помогут от боли, но не вернут возраст.

Пятнадцать лет. Голос ещё ломается, когда он старается говорить взрослым.

— Нилс, я получила номер исходного документа. Завтра можно будет сверить его с записями Реестра.

— А сегодня?

— Сегодня я добьюсь разговора с главой Инспекции. Его приёмная уже получила мою заявку.

— Они дадут разрешение?

— Я не знаю.

Он долго не отвечал.

— Тогда скажите ему, что мама каждое утро стареет до того, как успевает выпить чай. Может, так он поймёт.

Связь оборвалась.

Селина стояла у трамвайной остановки, пока на табло не сменились два маршрута. В кармане лежал номер журнала. В телефоне — очередная аккуратная отписка Реестра. К вечеру она уже знала две вещи: Нора действительно дала клятву и действительно исполнила денежное обязательство по сохранившимся у неё бумагам. Между этими фактами кто-то вставил чужое удостоверение.

Она развернула распечатку центральной записи. Под строчкой о недостаче было поле «Основание исправления». Оно выглядело пустым: белое место, оставленное для служебных отметок. Только если наклонить лист к свету, становилась видна едва напечатанная последовательность символов.

Селина записала её в блокнот.

Разобрать код ей пока не удалось. Но она заметила деталь, которую пропустила утром: время «исправления» стояло позже закрытия платежа, уже после того, как районный документ был принят.

Если это была простая ошибка передачи, кто-то должен был обнаружить и исправить её. Вместо этого запись изменили так, чтобы женщина, сохранившая деньги и доказательства, каждое утро расплачивалась собственной жизнью.

Около шести Селина отправила Инспекции два файла: добровольную клятву с неизменной печатью и квитанцию с независимым оттиском. Третьим приложением стала служебная запись с ночным временем исправления.

В сопроводительном письме она потребовала срочно проверить ложное свидетельство. Потом добавила дату и время ближайшего взыскания: бюрократическое слово «санкция» не объясняло, что случится с Норой утром.

В конце стояла просьба: «Следующее взыскание ожидается завтра на рассвете. Прошу начать проверку сегодня».

Ответ пришёл через семь минут. Одной строкой, без подписи секретаря: «Сегодня в 19.00. Личный приём. Р. Вальтер».

Селина перечитала сообщение. До приёма оставалось меньше часа. Селина закрыла контору и вышла, взяв папку Норы.

Глава 3. Инспектор

Рейн Вальтер не любил, когда посетители начинали разговор с обвинения. Обычно это означало, что к концу беседы им потребуется хотя бы одно доказательство, которого у них нет.

— Ваша система ворует жизнь, — сказала Селина Вейл, едва сев.

Он перевернул страницу жалобы.

— Инспекция независима от Реестра. Я не могу объявить его преступной организацией на основании одного дела.

— А на основании семи утр?

— Шести, насколько я вижу. Седьмого взыскания пока не было.

— Вы хотите дождаться, чтобы цифра стала убедительнее?

Селина сидела прямо, с папкой на коленях. За окном кабинета шёл дождь. Он видел её лицо в нижнем углу стекла, рядом с отражением бумажного стакана, который ему оставила секретарь. Ночь была короткой; в левом глазу резало от недосыпа. С утра он успел подписать разрешение на судебную ревизию двух районных палат и отказ по жалобе, которую сотрудник попытался оформить задним числом. В этом деле он хотел прежде всего понять, откуда взялся спорный факт.

— Я прочёл ваши документы, — сказал Рейн. — И запросил исходный журнал. Его принесут завтра после открытия архива.

— К рассвету?

— Нет. До конца рабочего дня.

Она усмехнулась, словно он подтвердил самое дурное.

— Знаете, от чего человек умирает раньше? От нарушения своей клятвы или от того, что хранитель журнала придёт после обеда?

— Госпожа Вейл, я не могу отменить действующую санкцию простым распоряжением. Было бы опасно, если бы мог. Представьте, что глава Инспекции одним звонком освобождает любого нарушителя, которому сочувствует.

— А вы сочувствуете?

— Да.

Ответ получился коротким. Селина явно не ожидала его.

— Тогда идите со мной на следующий рассвет, — сказала она.

Рейн поднял глаза.

— К Норе Ремер?

— Она согласна. Я поговорю с ней ещё раз. И с сыном, если вы сочтёте, что пятнадцатилетнему мальчику нужен ваш пропуск.

— Не говорите так.

— Как?

— Будто я хочу не допустить ребёнка к собственной матери.

Он услышал, как резко прозвучали слова. Обычно он не позволял собеседникам втягивать его в личную ссору, тем более в конце дня. Селина открыла рот для ответа, но вместо этого вынула из папки квитанцию.

— Посмотрите на дату исполнения.

Рейн положил поверх неё центральную выписку. Сопоставил номера, отметки, время. Нора действительно выполнила передачу, по крайней мере так свидетельствовала районная бумага. Центральное удостоверение, однако, сообщало о продолжающейся недостаче.

— Оригинал квитанции?

— У клиентки. Завтра предъявит.

— А независимый архив?

— Даст запись после надлежащего запроса. Я принесла доверенность.

Он придвинул к себе документ. Вейл не требовала доступа к закрытым данным третьих лиц, не просила обойти судебную процедуру. Она подготовила всё, что можно было подготовить за день. И всё же неосторожно объявила преступлением целую систему до того, как получила первоисточник.

— Что вы ожидаете от меня сегодня? — спросил Рейн.

— Чтобы вы признали угрозу срочной.

— Это я уже признал. На ваш запрос ответили за семь минут. Сейчас мы разговариваем.

— Сейчас уже вечер. Норе до рассвета осталось несколько часов.

Он закрыл папку. Её последние слова не были преувеличением.

— Я назначаю чрезвычайную проверку на рассвете. Мой сотрудник зафиксирует воздействие санкции и состояние удостоверения. Сам я тоже приду.

Селина провела большим пальцем по краю скрепки.

— Зачем вам самому?

— Потому что я подписываю решения. Мне нужно видеть, что именно я принимаю на себя.

— Подпишите сейчас отмену.

— Пока не доказана ложность записи, у меня нет такого полномочия.

Она встала.

— Значит, до утра вы ничего не сделаете.

— Я уже сделал две вещи. Третью вы не позволяете мне объяснить.

Рейн нажал кнопку вызова секретаря.

— Передайте независимому хранителю требование о сохранности первичных листов по делу Ремер. Запретите уничтожение черновых сверок до отдельного уведомления. И проверьте служебную историю ночной записи, без доступа к медицинским данным.

Секретарь кивнула, удивлённо посмотрев на посетительницу. Селина тоже замолчала.

— Это не остановит рассвет, — сказал Рейн, когда дверь закрылась. — Но не даст завтра обнаружить, что документы случайно исчезли сегодня ночью.

— Вы всегда излагаете помощь так, будто просите простить за неё?

— Я обычно стараюсь не обещать того, чего ещё не добился.

Она взяла папку, уже не так быстро. В дверях остановилась.

— У Норы есть сын. Он умеет читать выписки лучше взрослых. Посмотрите ему в глаза, когда придёте.

Рейн удержал взгляд.

— Я приду.

Когда она ушла, он ещё долго слышал её шаги по коридору. Затем открыл дело и стал проверять страницу, которую до сих пор откладывал: историю изменений после передачи районного акта.

Центральный Реестр предоставлял только итоговые сведения и часть служебных метаданных. Доступ к внутренним правкам оставался у другого органа, возглавляемого Леонардом Воссом. Так строилась независимость: регистрировал один, проверял другой. На практике последние два года проверяли реже. Так было быстрее, дешевле и, как считалось, надёжнее: автоматическая сверка замечала случайные ошибки без человеческой усталости.

Рейн сам участвовал в этом решении. В старом отчёте, который он редко перечитывал, стояла его подпись.

Он достал из запертого шкафа годовой свод по санкциям. До централизации жалобы о длящихся взысканиях поступали редко; большинство закрывалось после одного дня. Теперь число таких дел выросло. Не катастрофически, примерно в границах статистической погрешности. Но несколько тяжёлых случаев тянулись неделями.

В девять вечера зазвонил телефон. Его мать спросила, помнит ли он про воскресный обед. Она всё ещё считала, что сын работает столько, потому что ему не с кем провести вечера.

— Помню, — сказал Рейн. — Как самочувствие?

— Уже двадцать лет лучше, чем ты ожидаешь. Я ведь тебя не затем растила, чтобы ты каждый раз спрашивал только о моих лекарствах.

Он улыбнулся. Когда-то больничная палата и список назначений были всей их семейной жизнью. Тогда он узнал цену дням, которые нельзя купить обычными деньгами. Законный Резерв позволял некоторым пациентам дотянуть до операции. Он видел таких людей сам. Считать систему злом было для него почти физически трудно.

— У меня сложное дело.

— Тогда поешь.

— Это твой совет по праву?

— По человеку.

Он пообещал поесть, но сначала вернулся к файлам.

В одиннадцать охранник обошёл кабинет и постучал в открытый проём.

— Господин Вальтер, мне сказали выключить свет в крыле после полуночи.

— Оставьте его в коридоре. Я скоро закончу.

Охранник кивнул, однако через минуту вернулся с сэндвичем из автомата.

— В столовой закрыто. Это единственное, что осталось.

— Сколько я должен?

— Мне — ничего. Я выбрал не самый страшный.

Рейн послушно развернул упаковку. Ему не хотелось принимать эту мелкую заботу: она слишком напоминала, что завтра он может снова оказаться человеком, который смотрел на чужую беду и не успел.

Он занёс в личный блокнот три времени: закрытие перевода, поступление первичного акта, изменение центрального свидетельства. Между вторым и третьим была ночь.

Зачем системе исправлять удостоверение об исполненном обязательстве после того, как исполнение подтверждено?

Он нажал «Сохранить», выключил настольную лампу и впервые за много лет оставил в открытом деле не резолюцию, а простой вопрос.

На рассвет он собирался прийти лично.

Глава 4. Седьмой год

За полчаса до рассвета Нора сварила кофе, хотя пить его не собиралась.

На столе стояли четыре чашки. Две принадлежали ей и Нилсу, две она достала для гостей. Нилс хотел выставить камеру, чтобы заснять следующее взыскание, но она запретила. Достаточно было людей, которые будут на это смотреть. Ему не требовалось хранить такое видео в телефоне.

— Они уже идут, — сказал мальчик из окна.

Во дворе остановилась тёмная служебная машина. Из неё вышли женщина в мокром пальто и высокий мужчина с папкой. Чуть позади шёл сотрудник Инспекции, неся запечатанный чемодан для фиксации показаний. Нилс не знал, кто из них начальник, пока мужчина не обернулся и не подождал, чтобы все вошли вместе.

Рейн Вальтер оказался старше, чем мальчик ожидал. Из-за седых прядей у висков его можно было принять за знакомого матери из кооператива. Он не произнёс приветственной речи. Увидев Нору, спросил, не мешает ли им присутствовать.

— Если помешает, вы отмените наказание? — ответила она.

— Нет.

— Тогда проходите. До рассвета десять минут.

Селина сняла мокрое пальто и подошла к окну. Восток светлел за фабричными трубами. Нора расставила чашки ровно, ручками в одну сторону. Рейн заметил дрожь её правой руки и не предложил сесть: она держалась на ногах, потому что считала это последним доступным ей распоряжением.

Сотрудник Инспекции проверил подлинность печати без вмешательства, опечатал показания и поставил устройство на стол. Ничего особенного в нём не было — экран для официальной записи времени, камера, разрешённая для фиксации внешних изменений, и бумажная лента. Само взыскание происходило не в приборе.

— Согласны на присутствие свидетелей и медицинскую фиксацию? — спросил Рейн.

— Да. Нилса не записывать.

— Это будет исполнено.

Нилс стоял у холодильника, держась за дверцу. На ней магнитом была прижата старая фотография: Нора смеётся на велосипедной дорожке, волосы её влажны после дождя, Нилсу на снимке лет девять. Разница между двумя лицами матери теперь была слишком большой для одного холодильника.

— Мам, — сказал он, — можно я выйду?

— Можно.

Он не двинулся.

За окнами вздрогнули огни на речном мосту. На дальних крышах проступила красная полоса. Нора поставила чашку. Её пальцы вдруг разжались.

Селина услышала короткий вдох. Не крик: дыхание человека, который обжёгся, хотя не прикасался к огню.

Печать на запястье потемнела ещё на один узкий участок. У Норы обозначилась складка у рта, будто кто-то невидимый провёл линию грубой сухой кистью. Кожа на руках натянулась иначе, венки проступили отчётливее. Она согнулась и схватилась за край стола. Посуда звякнула.

— Не трогайте меня, — успела сказать она.

Нилс сделал шаг, остановился и вдруг отвернулся к холодильнику, как будто искал там объяснение случившемуся.

Рейн подхватил упавшую ложку. Это было нелепое движение, и он понял его нелепость сразу. Нора сидела, глядя на собственную ладонь; медицинский сотрудник фиксировал изменения и спрашивал, слышит ли она его. Селина стояла рядом, стиснув зубы, чтобы не выкрикнуть обвинение, которое ничего не исправит.

— Вижу, слышу, — ответила Нора. — Я всё слышу. Перестаньте перечислять.

Ей стало трудно поднимать левую руку. Она достала из рукава платок и вытерла лоб. Нилс всё-таки подошёл.

— Мама.

— Ничего. Подай сахар.

Он передал сахарницу. Нора не открыла её, просто поставила рядом, потому что он сделал то, о чём она попросила.

Рейн смотрел на бумажную ленту. Начало рассвета; подтверждение действующей санкции; седьмое последовательное взыскание. Лента выплюнула правильные служебные знаки. Нора не могла распрямить пальцы после седьмого взыскания.

— Госпожа Ремер, — сказал он, — я открою расширенную проверку сегодня же. Без ожидания обычного срока.

Нора подняла голову.

— А если не успеете к следующему утру?

— Тогда я приду снова.

— Это слабое утешение.

— Да.

Она изучала его лицо, словно искала там привычную чиновничью защиту. Он не отвёл глаз.

— Вы правда не можете просто сказать Реестру, что я не виновата?

— Пока свидетельство не опровергнуто установленным способом — не могу. Я потребовал сохранить первичные документы. Сегодня мы получим независимую запись.

Нилс неожиданно спросил:

— А кто возьмёт то, что у неё только что забрали?

Рейн посмотрел на него.

— Год поступает в Резерв. Каждому присваивается номер.

— Значит, кому-то он пригодится?

— Он может быть назначен тяжёлому пациенту после законной проверки.

— А если маме он тоже нужен?

На этот раз Рейн не ответил сразу. В пятнадцать лет мальчику было достаточно видеть лицо матери, чтобы понять всю несправедливость мира; взрослый мог объяснить юридический механизм, но ни одно объяснение не делало утрату меньше.

— Тогда мы обязаны проверить, имел ли город право его брать, — сказал он.

Селина присела рядом с Нилсом.

— Я приду сегодня вечером. Если вы разрешите, принесу копию независимого журнала.

— Вы обещали вчера, — сказал он.

— Я обещала попытаться. Мне жаль, что сегодня получилось так.

Он посмотрел на неё сердито. Селина приняла этот взгляд. От мальчика не следовало требовать справедливости к людям, которые пока не помогли.

Когда сотрудники собрались уходить, к двери подошла соседка в халате. Она принесла маленькую корзину с хлебом и, увидев двух служебных людей, шёпотом спросила, не грозит ли дому проверка кассы.

Нора была в соседней комнате, меняла пропитавшуюся потом рубашку. Нилс услышал вопрос.

— Мама не украла деньги, — сказал он громко.

— Я этого не говорила.

— Вы подумали.

Рейн достал из кармана служебную карточку, но не предъявил её.

— Разбирательство не содержит вывода о вине вашей соседки, — произнёс он. — Прошу не распространять неподтверждённые сведения. Это причиняет ей вред.

Женщина покраснела и оставила корзину на пороге. Нилс ушёл на кухню.

На лестнице Селина остановилась перед Рейном.

— Я ждала, что вы скажете ему больше.

— Чего именно?

— Что его мать невиновна.

— Я пока не могу этого доказать.

— Вы видели её седьмой год.

— Видел. И потому не собираюсь произносить красивую фразу вместо проверки.

Она хотела возразить, но заметила, как он держит папку. Большой палец судорожно тёр боковой край, оставляя на коже белую полоску. Он тоже боялся, и страх ему не шёл, как не шёл бы любой непривычный жест.

К полудню в Инспекции дежурный чиновник предложил закрыть жалобу стандартной формулой до поступления оригинала. Рейн вызвал его к себе.

— Вы были у госпожи Ремер?

— Нет, господин Вальтер. Но статус в Реестре подтверждён.

— Вы видели, как он исполняется?

— Я не врач.

— Тогда не ставьте заключение там, где ничего не проверяли. С этого момента вы отстранены от рассмотрения её дела. Материалы передайте срочной группе.

— Из-за одной женщины?

Рейн остановился у стола.

— Из-за того, что в деле человека вы видите только строку. Вернитесь, когда будете готовы читать остальное.

После его ухода Рейн долго стоял возле окна. Во дворе Инспекции один служащий поднимал с земли выскользнувшую пачку бумаги. Ему помогал курьер на велосипеде. Обыкновенная жизнь, на которую у людей находились минуты.

Селина позвонила около часа. Голос был охрипшим.

— У меня назначен доступ к первичному журналу. Хранитель согласен принять нас после обеда. Вы идёте?

— Да.

— Не придётся составлять ещё одну заявку?

— Я уже составил.

Она помолчала.

— Спасибо.

Он едва не ответил «не за что», но это было неправдой.

— Скажите Норе, что её следующее утро ещё можно попытаться остановить.

— Я скажу. Только не просите её поверить на слово.

Когда разговор закончился, Рейн неожиданно увидел в памяти Нилса у холодильника. Мальчик не плакал, потому что кто-то должен был подавать матери сахар и держать дверцу, пока взрослые фиксировали чудовищное.

Рейн взял пальто. До закрытия архива оставалось два часа, и теперь он не собирался отдавать их расписанию.

Глава 5. Слова и свидетели

Хранитель встретил их на лестнице с кружкой чая, которую успел пролить на рукав.

— Если вы пришли за журналом Ремер, вам в комнату номер четыре, — сказал Иво Граф. — Но сначала покажите полномочия. То, что у вас лицо человека, которому все обязаны, господин Вальтер, полномочием не считается.

Рейн протянул удостоверение и подписанное распоряжение. Селина — доверенность Норы. Граф изучил оба документа так внимательно, будто хотел обнаружить в них правду о каждом посетителе.

Ему было под шестьдесят, волосы он стриг коротко, а на переносице оставалась постоянная вмятина от очков. Архив районных свидетельств занимал две комнаты бывшей школы. Нынешние служащие жаловались, что бумаги пахнут плесенью, хотя Граф поддерживал в хранилище лучший режим, чем в некоторых столичных собраниях.

— Все думают, что у нас копии, — сказал он, отпирая дверь. — Потому что привыкли считать оригиналом то, что светится на экране. Но именно сюда приходит первый экземпляр решения. Центральная система получает подтверждённый итог. Его проще передавать, чем книгу.

— Кто отвечает за исправления в вашей книге? — спросила Селина.

— Я, если пишу. Если исправляет кто-то другой, я сначала узнаю его фамилию и потом очень громко ругаюсь.

Из шкафа он вынул книгу в тёмной обложке. На корешке было написано: «Кооперативы. Приход и закрытие обязательств». Селина вспомнила Нору, объяснявшую сыну, почему деньги должны оставлять след. Возможно, она полюбила бы эту книгу.

Они открыли страницу, на которую указывала квитанция.

Там были дата перечисления, два банковских подтверждения, подпись председателя кооператива и отметка районного свидетеля о закрытии расчёта. Строка не содержала ни зачёркиваний, ни исправлений. Граф показал контрольную страницу до и после: записи шли в установленной последовательности.

— Иного исходного акта о недостаче нет, — сказал он. — Я проверил вчера ночью после вашего звонка. Проклял вас и проверил.

— Почему ночью? — спросил Рейн.

— Потому что утром мне пришлось бы объяснять человеку, как он теряет жизнь, пока я завтракаю. Это единственная причина, которая устраивает мою жену.

Селина хотела снять копию. Граф остановил её жестом.

— Сейчас оформим выдачу. Потом снимайте. Вы удивитесь, сколько важных документов становится бесполезными из-за того, что их добывали, сунув руку в чужой шкаф.

Она почувствовала укол вины, хотя ещё ничего подобного не делала. Не любила, когда ей напоминали правила в той самой ситуации, ради которой правила могли понадобиться.

На соседнем столе хранились примеры других клятв. Граф предложил их только в обезличенном учебном виде, и Рейн согласился. Они посмотрели на обязательство попечителя имущества ребёнка: взрослый человек добровольно принимает ответственность и заранее признаёт палату свидетелем передачи. На другое — хранителя общественного фонда, обязанного отчитываться за подлинность расходов. И на редкий служебный обет лица с доступом к закрытым государственным сведениям.

— У всех есть общая черта, — сказал Рейн. — Человек может отказаться прежде, чем произнести слова.

— А если ему страшно потерять работу? — спросила Селина.

— Это важный вопрос о реальной добровольности. Свидетель обязан остановить процедуру при принуждении. Но опасность карьерного выбора сама по себе не делает каждое обещание недействительным.

Граф хмыкнул.

— В молодости люди охотно дают клятвы. Им кажется, что потом они будут другими. Правила хороши тем, что проверяют хотя бы сегодняшнюю волю.

Селина показала на личную печать в копии дела Норы.

— Здесь никакого обмана с волей. Слова подлинные. Она ясно признала Реестр свидетелем закрытия платежа. После исполнения Реестр обязан удостоверить факт, а он сказал обратное.

— Значит, подозрение не в печати, — произнёс Рейн.

В голосе его не было победного удовлетворения. Лицо стало закрытым, как у человека, которому приходится признать ошибку в устройстве собственного дома.

— Нора может показать подлинное исполнение, — продолжила Селина. — Если мы увидим, кто исказил его позже, у нас появится причинная цепь.

Граф вернул журнал на стол.

— Я хочу, чтобы это объяснили ей так же ясно, как сейчас мне.

— Сегодня объясним, — сказал Рейн.

К концу осмотра к Селине пришло сообщение от другого клиента. Мужчина, хранитель фонда помощи бездомным, за четыре утра постарел на четыре года по якобы не представленному отчёту. У него осталась подпись приёмной комиссии и электронное подтверждение с номером. По тем же признакам Селина нашла ещё два дела: женщину, следившую за сохранностью муниципального здания, и бывшего распорядителя учебного фонда, который собирался защищаться в суде. Люди не были знакомы; их обещания касались разных вещей. Их объединяло только одно — официальный вывод о продолжающемся нарушении после предъявленных подтверждений исполнения.

— Вы уже проверили их печати? — спросил Рейн.

— Предварительно. Но я запросила отдельные согласия, чтобы передать их в Инспекцию. Ни одну историю не надо принимать на веру только из-за сходства.

Он посмотрел на неё с удивлением.

— Что?

— Вы произнесли то, о чём я собирался напомнить.

— Не воображайте, что это дружба.

Граф негромко засмеялся. Селина заметила, что Рейн едва улыбнулся, но не стал отвечать.

Они вернулись в Инспекцию в начале третьего. На площади торговали каштанами, вдоль дороги гудели трамваи. У входа ждал представитель одного из пострадавших — пожилой мужчина с выцветшим шарфом. Его интересовало только одно: будет ли из-за жалобы новая санкция.

Рейн объяснил, что обращение к проверке само по себе не нарушает клятву, а каждый продолжающийся отъём требует действующего удостоверения прежнего факта. Мужчина слушал и всё равно не отпускал край шарфа.

Селина вспомнила, как Нора держала папку у груди, и поняла, что правдивое объяснение не обязано успокаивать. Она дала ему адрес общественного юриста, который помогал получать согласия на представительство бесплатно.

У себя в кабинете Рейн открыл четыре дела на большом экране.

— Я не стану объединять людей по одному вашему предположению, — сказал он.

— Я этого и не прошу. Сначала проверим даты исправлений.

— Возможно, у нас цепочка технических сбоев.

— Тогда они очень избирательны. В каждом случае исполнявший обязательство человек получает санкцию.

Рейн поставил рядом метаданные из доступной служебной истории. Времена действий различались, но все попадали в ночные часы. В графе причины стояло одинаковое короткое слово: «уточнение».

— Кто может делать такие уточнения? — спросила Селина.

— Уполномоченный сотрудник Реестра. На массовых партиях — только человек с внутренним контрольным допуском.

— Значит, кто-то просыпается ночью и вспоминает, что четыре незнакомых человека не выполнили клятвы?

— Именно это мне и не нравится.

Она услышала перемену в его голосе. Накануне вечером Рейн отказывался называть систему преступной. Сейчас он не прятался за ней. Но между подозрением и доказательством ещё лежали десятки документов — и одно утро, которое Нора не могла позволить себе потерять.

Рейн позвонил в независимый надзор, запросил расширенный доступ к журналам ночных исправлений и сказал, что готов подписать персональную ответственность за обращение. После звонка он долго держал трубку, хотя связь уже оборвалась.

— Вам могут отказать, — сказала Селина.

— Тогда получим официальный отказ. Он тоже будет документом.

— Вы ужасно любите документы.

— Когда они не лгут.

В этом они неожиданно согласились.

После уроков Селина зашла к Норе. Нилс задремал за столом над школьным заданием, под щекой лежал раскрытый учебник истории. Нора сидела напротив и чинила его старую куртку. Нить дважды соскальзывала с иглы.

— Нашли что-то? — спросила она, не отрываясь.

— Нашли первичную запись. Она подтверждает, что платёж был закрыт до первого взыскания.

Нора опустила иглу.

— Значит, они могут остановить?

— У нас есть основание для срочной проверки. И другие похожие дела. Сегодня мы продолжим проверку ночных исправлений и движения списанных лет.

— Я не хочу, чтобы Нилс стал одним из тех детей, которые годами ходят в суд за родителей.

Селина посмотрела на мальчика. Он не спал. Глаза были открыты и устремлены в столешницу.

— Мы не будем обещать ему быстрый суд, — сказала она. — Но сегодня вы уже знаете, что сохранили правильную квитанцию.

Нора горько улыбнулась.

— Я всегда хранила правильные квитанции. До сих пор это никого не спасало.

Селина осталась, пока они втроём ели остывшие макароны. Она не рассказывала о Рейне и его усилиях. Нора не спрашивала о начальниках. Перед уходом Селина заметила, что Нилс незаметно подложил под материнскую тарелку сложенную салфетку, чтобы та не скользила по столу.

Мальчик сделал это так привычно, словно уже давно жил в доме, где всё необходимое приходилось предусматривать заранее.

Глава 6. Куда ушёл год

В перечне Резерва не было лиц.

Там находились номера, даты взысканий, категории происхождения и направления переводов. Никаких фотографий, ничего о семейных завтраках, старых платьях или людях, которым стало тяжело подниматься на третий этаж. Селина открыла общедоступный отчёт, который раньше считала образцом прозрачности, и впервые заметила, насколько убедительным может выглядеть отсутствие человека.

— Вы говорили, каждому году присваивается отдельный номер, — сказала она Рейну.

Они сидели в маленькой переговорной Инспекции. Было чуть больше четырёх. Рейн предложил сверить общий баланс до конца рабочего дня. Из коридора доносился стук тележки: там меняли повреждённую плитку.

— Да. Один взысканный год — один учётный номер и одно назначение, — ответил Рейн. — Нельзя передать одну единицу двум получателям.

— У Норы семь взысканий. Я нашла семь номеров.

Она положила перед ним список. Два номера имели статус «резерв», прочие уже значились как переведённые по медицинским назначениям. Она сверила даты с ночными записями и обвела пять строк.

— Получается, ей брали годы по утрам, а к вечеру отдали кому-то другому.

— На законных основаниях Резерв может распределить средства после установленного взыскания. Само по себе это ещё не доказывает подлог назначения.

— А если взыскание ложно?

— Тогда всё, что осталось неиспользованным, подлежит возврату по отмене свидетельства. Переведённое в другой организм вернуть нельзя.

Селина замолчала.

Всю жизнь ей казалось, что ошибка, однажды установленная, может быть исправлена. Суд пересмотрит решение, банк вернёт деньги, человек получит работу обратно, пусть и поздно. Год, который вошёл в чужое тело, переставал существовать как доступное возмещение в тот момент, когда кто-то разрешил перевод.

— Значит, надо закрыть Резерв до конца проверки, — сказала она.

Рейн отодвинул лист.

— Вы предлагаете остановить законные назначения всем пациентам?

— Пока не установим, откуда берут годы.

— Тогда придётся объяснить больному, которому сегодня требуется перевод перед операцией, почему вы сочли возможным ждать.

— А Норе никто не объяснил, почему нельзя подождать до проверки.

— Именно поэтому нам нужно отделить спорные взыскания от настоящих.

Селина раздражённо собрала бумаги.

— Вы всё время находите человека, которого можно поставить рядом с другим человеком, чтобы ничего не менять.

Рейн посмотрел на часы, затем на неё.

— Поедем.

— Куда?

— В отделение законной программы. Я договорился о встрече с врачом. Вы не увидите ничьих закрытых карт, но можете своими глазами посмотреть, как работает помощь.

В трамвае Селина стояла у двери. За окнами мелькали кирпичные дома, вечерние булочные и мокрые рекламные щиты. Рейн держался за поручень напротив, без охраны и служебной

машины. Его пальто было дорогое, но рукав возле манжеты вытерся. Селина поймала себя на том, что смотрит на эту мелочь слишком долго.

Отделение находилось при городской больнице. У регистратуры пахло свежим хлорным раствором и варёным рисом из столовой. Врач Эльза Ридель встретила их в коридоре, где из дальних палат доносился слабый шум приборов. Ей было около сорока пяти; она заправила волосы под медицинскую шапочку и сразу предупредила, что разговаривать с пациентами можно только после их добровольного согласия.

— Я не превращу больницу в выставку для спорящих специалистов, — сказала она. — Объяснить устройство законной программы могу. Личные диагнозы без отдельного допуска — нет.

— Я не прошу диагнозов, — ответила Селина.

— Тогда начнём с того, что у нас есть живые люди. Им обычно неприятно, когда о них говорят как о строке баланса.

Эльза провела их в небольшую комнату для бесед с родственниками. На стене висели детские рисунки, среди них большой рыжий кот с неправильно нарисованным хвостом. Врач положила на стол обезличенную схему медицинского назначения.

— Есть люди, которым не хватит времени дождаться плановой операции, — объяснила она. — Для них год биологической отсрочки может изменить исход. Направление подтверждают лечащие врачи и независимая комиссия; пациент знает источник программы, подписывает согласие. Мы не покупаем годы у граждан. Мы работаем с законно возникшим Резервом. И мы тоже обязаны проверять, что источник не оспорен.

— Всегда проверяете? — спросила Селина.

— По действующим сведениям. Мы не имеем возможности заново расследовать каждую клятву. Если центральная система сообщает об установленной санкции, медицинская комиссия не заменяет Инспекцию.

Рейн медленно кивнул. Его собственная профессия теперь выглядела слабым звеном в чужой операционной.

Из палаты вышел мальчик с перевязанной рукой, лет одиннадцати. Он тащил за собой пластиковый кораблик на шнурке. Следом шла женщина с пакетом сменной одежды. Эльза попросила их подождать в коридоре и негромко поговорила с матерью. Та вернулась через минуту.

— Мне объяснили, кто вы, — сказала женщина. — Я не буду показывать документы. Но могу сказать, что произошло с сыном.

Она говорила спокойно, будто слишком часто уже рассказывала эту историю. У мальчика была тяжёлая болезнь, операции ждали месяцы, а свободного времени у него оставалось меньше. Законный перевод из неоспоренной партии позволил ему восстановиться настолько, чтобы перенести вмешательство.

— Он сейчас спорит с врачами, потому что хочет играть в футбол, — сказала мать. — Полгода назад у него сил не было даже просить воды. Я не знаю, как относиться к тому, что кому-то пришлось отдать время. Но я знаю, что без этих месяцев мы могли не успеть.

Селина посмотрела на кораблик. Мальчик подвигал его ботинком, заставляя качаться на линолеуме, и спросил мать, скоро ли они поедут домой.

— Скоро, — ответила та.

Никакой красивой речи о спасении не последовало. Женщина взяла сына за плечи и увела.

— Мы не можем допустить, чтобы преступление стало поводом уничтожить законную помощь, — сказала Эльза, когда они остались втроём.

— Если источник преступен, помощь тоже нельзя считать законной, — возразила Селина.

— Согласна. Тогда нужно остановить незаконный источник. Я первой помогу проверить нашу сторону, если получу надлежащий запрос. Но если вы просто закроете все назначения, я буду смотреть, как умирают мои пациенты.

Дорога обратно прошла почти в молчании.

В трамвае Селина достала список номеров Норы. Пять пометок о переводе уже нельзя было считать пустыми цифрами, но и переносить на Нору ответственность за чужую болезнь было чудовищно. Она внезапно поняла, как легко Восс — если именно он стоял за этим — мог спрятать любой обман внутри настоящей человеческой необходимости.

— Вы специально привезли меня туда, чтобы я перестала говорить «закрыть всё»? — спросила она.

— Да.

— Благородная педагогика.

— Вряд ли благородная. Мне было проще показать вам больницу, чем признать, что не знаю, как быстро отделить ложные списания.

Селина посмотрела на него. Он не защищался от собственной неуверенности.

— Я тоже пока не знаю, — сказала она. — Но два года в резерве у Норы ещё остаются. Если мы успеем, их хотя бы не уведут.

— Будем добиваться временной блокировки спорных номеров, как только соберём допустимые основания.

— А пять?

Рейн не притворился, что не понял.

— Если они уже переданы, вернуть их нельзя. Нам понадобится проверить, кому и на каком основании.

Около шести они вышли у моста. Под фонарями вода казалась чёрной, и по ней медленно шли светлые полосы от окон. Рейн предложил подвезти Селину до конторы, но она отказалась: там было пять минут пешком.

Он не стал настаивать.

У дверей она обернулась.

— Спасибо за больницу.

— Вы всё ещё сердитесь?

— Да. Только теперь не на всех сразу.

Он засмеялся неожиданно коротко, как человек, забывший, что умеет. У Селины почему-то стало теплее в ладонях, хотя дождь усилился.

Вернувшись к столу, она пометила каждый номер в своём рабочем списке. Один год — одна судьба. Подтверждённая законная помощь не делала ложную санкцию истинной. Чужая купленная молодость не превращалась в лечение от красивого названия клиники.

На последней странице её блокнота появился новый вопрос: «Кто решает, куда именно уходят спорные годы?»

К началу седьмого пришло короткое сообщение от Норы: «Нилс хочет знать, помогает ли кому-то мой седьмой год».

Селина долго смотрела на экран. Затем написала: «Я выясняю. Сегодня видела, что настоящая помощь бывает. Но это не даёт никому права брать ваши годы без основания».

Она уже собиралась выключить лампу, когда в отчёте Резерва сменился статус ещё одного номера из другого дела. Строка, которая полчаса назад значилась как резервная, перешла в назначение. Между двумя последними отметками прошло семь минут.

Кто-то распределял жизнь, даже не дожидаясь ночи.

Глава 7. Ночью исправлено

Иво Граф не привык звонить в Инспекцию после рабочего дня. Но около семи он всё-таки набрал номер Рейна.

Когда Рейн взял трубку, хранитель сообщил, что хочет показать ещё одну книгу. Точнее, половину книги и коробку испорченных углеродных копий, которые начальство давно требовало списать. И добавил:

— Приезжайте сейчас. Иначе я закрою архив, и будем сравнивать книги на ступеньках.

Селина пришла первой. Архив уже закрылся для посетителей, но в комнате номер четыре оставалась гореть настольная лампа. Граф сидел на табурете с бутербродом и казался недовольным тем, что вообще дожил до такого возраста, когда приходится объяснять чиновникам пользу бумаги.

— Ещё один журнал? — спросила она.

— Исходный вы видели. Теперь посмотрите журнал отправки. Его мало кто любит, потому что там нет ни гербов, ни красных печатей. Только факт: что и когда отсюда ушло.

На столе лежала узкая книга с отпечатками старых полосок. Каждое переданное в центральную систему удостоверение печаталось одновременно в двух экземплярах: один прикладывали к районному делу, другой сохраняли в журнале отправки под собственным порядковым номером. Надпись на выцветшей полоске Норы совпадала с бумажным актом: «Закрыто. Исполнено».

Рейн вошёл в комнату, когда Селина уже переписывала время передачи.

— Что вы нашли?

Граф повернул к нему журнал.

— В двадцать три сорок две район передал закрытие расчёта. Центральная система подтвердила получение. Через два часа произошло служебное исправление. После него первоначальное сообщение исчезло из видимой истории.

— Не исчезло полностью, — уточнил Рейн. — В открытом слое осталась запись о корректировке.

— Только без старого содержания. Если бы не наша копия, слово «исполнено» сейчас было бы недоказуемо.

Селина представила Нору за столом, когда она подписывала последний платёж. Тогда, ещё до шести утраченных утр, женщина могла с чистой совестью выпить кофе и забыть о переводе до следующей сметы. Где-то через несколько часов её исполнение превратили в неисполнение.

— Это могла быть ошибка синхронизации? — спросила она Графа.

Он развернул соседнюю полоску.

— Ошибка передачи оставила бы отметку о повторном запросе или несовпадении контрольной суммы. Здесь был принят правильный документ, а потом другой человек велел системе считать иначе.

Рейн внимательно посмотрел на запись.

— Для этого нужен внутренний доступ.

— Угу, — произнёс хранитель. — Мы здесь всё ещё умеем читать часы.

Они сверили ещё два дела из списка Селины. Один районный журнал находился в другом конце города; Граф получил по служебному каналу подтверждение, что оригинал будет сохранён до запроса. По третьему сохранилась углеродная копия на бумаге, которую никто не собирался хранить дольше месяца. В обоих случаях центральное уточнение происходило ночью. Формулировки различались — недостача, отсутствующий отчёт, неисполненная передача, — но в истории каждой записи присутствовал одинаковый короткий код исправления.

Селина положила рядом четыре листа.

— Он один.

Рейн приблизил настольную лампу.

— Это может быть номер рабочего процесса.

— Даже если так, он связывает случаи. Люди живут в разных районах, обещали разное, а кто-то провёл одну и ту же ночную процедуру.

— Я попрошу аудиторский журнал под служебную ответственность.

— Реестр его отдаст?

— По закону обязан. Но мне нужен зафиксированный повод и точный объём запроса. Теперь повод у нас есть.

Граф снял очки и протёр стёкла краем рубашки.

— Один начальник предложил мне выбросить эту книгу ради чистого шкафа, — сказал Граф. — Я попросил его сначала выбросить свои служебные распоряжения. Шкаф сразу оказался достаточно большим.

Селина улыбнулась.

— Скажите это перед комиссией.

— Ни за что. На комиссии я всегда забываю красивые слова и прошу вернуть мой стул.

Они оформили копии, заверили каждый лист и оставили оригиналы в архиве. Рейн расписался в получении. Селина настояла, чтобы Граф записал и её время присутствия, хотя для самих документов это ничего не меняло.

На улице уже почти не было машин. Вода стекала с металлических ступеней в канаву, а над рекой медленно проходил грузовой состав. Рейн поднял воротник.

— Вам надо домой.

— Вы не мой начальник.

— Поэтому и говорю это как частное лицо.

Селина хотела резко ответить, но не нашла повода. У неё болели ноги, а с утра во рту держался привкус дешёвого архивного чая. Она достала телефон: от Нилса пришла фотография маминого завтрака, приготовленного на завтра. На салфетке карандашом было написано «Не забудь поесть». Рядом лежала маленькая полоска пластыря — он заклеил мать там, где она поцарапала руку булавкой.

— Он пытается ухаживать за ней вместо отца, которого никогда не было рядом, — сказала Селина, не замечая, что произнесла мысль вслух.

— Нилс?

— Да.

Рейн не спросил о семейной истории. Он взглянул на рельсы и тихо ответил:

— В детстве я тоже считал, что если всё сделать правильно, мать выздоровеет быстрее.

Она повернулась к нему, но он уже открыл дверцу машины.

— Завтра расскажете, помогло ли? — спросила она.

— Она жива. Но это не моя заслуга.

Селина кивнула. Ей понравилось, что он не стал заканчивать разговор утешительной моралью.

По дороге к Реестру Селина увидела освещённое окно Норы. Заходить не стала: та должна была хотя бы попытаться отдохнуть. Она написала сообщение о первичной записи и официальном запросе. Нора ответила почти сразу: «Я сохранила бы и счёт за молоко, если бы знала, что это понадобится».

Селина остановилась под пустым навесом и убрала телефон в карман. Семь утраченных Норой лет не помещались в тонкую архивную книгу, где ложь занимала одну строчку. Она прикрыла глаза, пока не перестали дрожать пальцы.

Раздался звонок Рейна. Восс согласился принять их без промедления. Селина расправила смятые листы и пошла к служебному входу Реестра.

Общий код не давал ещё имени преступника. Он давал способ искать его.

Глава 8. Внутри закона

Приглашение Леонарда Восса было оформлено как срочное совещание по переходу к ускоренному свидетельствованию. В начале стояла пометка «высокий приоритет», внизу — подпись главы Реестра. Рейн уже направил запрос о ночных исправлениях; встречу предлагали провести без обычного ожидания.

Селине письмо не адресовали. Рейн показал ей открытую часть у служебного входа в Реестр. Приём согласовали на тот же вечер. До церемонии оставалась неделя, и в Линденбрюке уже готовили публичные экраны, демонстрационные терминалы и рассказы о том, как сокращение очередей поможет тысячам людей.

— Они собираются перевести на автоматическую обработку старые дела? — спросила Селина.

— Поэтапно. На девятый день нашей проверки будет городской запуск, но техническая миграция началась раньше.

— Сколько дел попадёт туда?

— Десятки тысяч потенциально активных свидетельств. Большинство без санкций.

— И тот же ночной код?

— Я не знаю, пока не получу полный журнал.

Восс принимал их в здании Городского реестра. Его кабинет находился над центральной площадью, но был устроен скромнее, чем ожидала Селина: светлый стол, несколько книг, старинная карта города на стене. На полке стояла фотография первых пациентов Резерва рядом с врачами; один из мужчин держал маленького ребёнка за руку.

Восс подошёл сам, без секретаря.

— Рейн. Рад, что вы нашли время. И госпожа Вейл, полагаю? Слышал, что вы помогаете семье Ремер.

Он выглядел лет на пятьдесят: редкая седина, гладкая кожа, движения человека, который знает, как его рассматривают. Селина вспомнила паспортный возраст, прозвучавший в городском интервью: около шестидесяти шести. Такие различия не были невозможными в городе законных переводов времени. Но она заметила их против воли.

— Помогаю разобраться в ложном удостоверении, — сказала она.

Восс предложил сесть. Рейн отказался от кофе, Селина согласилась на воду. Восс сам поставил стакан перед ней.

— Дело госпожи Ремер вызывает сожаление. Особенно из-за сына. Я распорядился провести внутреннюю проверку.

— По какому основанию её обязательство признано неисполненным? — спросила Селина.

— По сведениям, находящимся в Реестре. Мы не вправе объявлять их ошибочными до формальной сверки.

— Независимый районный журнал показывает исполнение.

— Это серьёзный довод. Именно поэтому я не намерен спорить с Инспекцией о необходимости исследования.

Селина посмотрела на Рейна. Он молчал, предоставляя Воссу возможность уточнить.

— Нас интересует служебное исправление после принятия первичного акта, — сказал Рейн. — Один и тот же код обнаружен в нескольких делах. Мне нужен журнал доступа и законное основание каждого изменения.

Восс откинулся в кресле.

— Вы уверены, что хотите начать аудит всей системы за неделю до её публичного обновления?

— Я хочу проверить те действия, которые уже повлекли санкции.

— Конечно. Но ваши сотрудники знают, что такое массовые служебные операции. Один код ещё не означает одно преступление. Иногда это просто общая библиотека процедур.

— Поэтому я и прошу журнал, — повторил Рейн.

Улыбка Восса не исчезла. Он коснулся края стола, пальцы на миг сжались, затем расслабились.

— Получите всё, что позволяет процедура. Я дам распоряжение подготовить сведения для надзора.

Селина не удержалась:

— Пока их готовят, Нора проснётся ещё старше.

— Госпожа Вейл, вы видели людей, которых спасла наша программа? Не в отчёте, лично?

— Видела.

— Тогда знаете, что без устойчивой системы некоторые пациенты лишатся лечения. Я защищаю не свою должность. Я отвечаю за доверие к учреждению, которое для многих стало последним шансом.

— Доверие не спасает от поддельной недостачи.

Восс взглянул на неё с тем вниманием, которое обычно бывает приятным. Сейчас оно напоминало тихое измерение слабого места.

— Вы правы, требуя точности. И всё же, если мы напугаем город до начала проверки, многие люди перестанут соглашаться на жизненно важные процедуры. Родители будут тянуть с решениями для детей. Вы готовы отвечать за это?

— Я готова отвечать за свои слова. А вы — за исправления, подписанные вашим Реестром?

В кабинете стало очень тихо. Восс наконец перестал улыбаться, но лишь на секунду.

— Разумеется. В пределах установленной компетенции.

Рейн положил на стол официальный запрос. Две копии, подпись, входящий номер.

— Здесь сроки, охват и требование сохранить исходный журнал. Независимая Инспекция проведёт проверку. Результаты будут сообщены следствию, если найдутся основания.

Восс не сразу взял бумаги.

— Меня беспокоит слово «следствие». Оно порой живёт дольше подозрений.

— В данном случае дольше может не прожить человек, — сказал Рейн.

Селина увидела, что его голос почти не изменился. Стало ясно: ради этого предложения он и приехал лично, не прислав помощника.

Восс подписал получение. На прощание проводил их до двери.

— Рейн, нам обоим приходилось выбирать между идеальным и возможным. Вы это знаете лучше многих.

Рейн остановился.

— Сейчас я выбираю между проверенным и непроверенным. Другого выбора мне пока не предложили.

— Очень надеюсь, что он у вас останется.

Восс сказал это мягко, и Селина не могла решить, прозвучала ли угроза. Может быть, ему и не требовалось угрожать: достаточно было напомнить, какой частью полезного института он привык распоряжаться.

На площади рабочие заканчивали дневной монтаж. Кабели прятали в защитные короба, у сцены проверяли выключенные экраны. На рекламном полотне обещали: «Больше точности. Больше доверия. Больше времени для жизни». Последние слова показались Селине особенно жестокими.

— Он говорил так, будто мы собираемся закрыть все больницы, — сказала она.

— Потому что такой страх удобнее, чем вопрос об одной ночной записи.

— Вы знали, что он так ответит?

— Примерно.

— Тогда зачем дали ему возможность?

Рейн посмотрел на свой экземпляр запроса.

— Потому что теперь он официально знает о конкретных проверяемых действиях. Если журнал исчезнет, это уже не будет случайностью в неуведомлённом архиве.

Селина вынуждена была признать пользу этой осторожности.

— Вы ему доверяете?

— Я долго доверял устройству, которое он возглавляет.

— Я спросила о нём.

Рейн остановился возле ограждения.

— Сегодня меньше, чем вчера.

Они прошли мимо рабочих, которые проверяли свет на сцене. Рядом молодая женщина с коляской спрашивала, будет ли во время церемонии перекрыт тротуар. Монтажник показал обход и придержал ей калитку. Город готовился праздновать перемены, ничего не подозревая о том, чем уже расплачивались его жители.

В Инспекции их ждал ответ из внутреннего аудита Реестра. Восс уже распорядился пропускать личные журналы изменений через дополнительное внутреннее согласование. Это была административная задержка, а не открытый отказ. Открытая часть данных всё-таки подтверждала: одинаковые исправления проведены через закрытый служебный контур, доступный лишь лицам с внутренним разрешением. Имена оператора оставались скрыты; для их выдачи требовалась отдельная сверка.

— Значит, не подпольный чародей, — сказала Селина.

— Мы и раньше не имели доказательств такой версии.

— Люди любят думать, что зло всегда приходит через чёрный ход. Но здесь оно прошло через служебную дверь, приложило пропуск и оставило номер.

Рейн не ответил. Он смотрел на последнюю строчку аудиторского письма: изменение произведено в рамках централизованной процедуры, утверждённой два года назад.

Он знал эту процедуру. Несколько её элементов попали в действующий регламент по его собственной рекомендации.

Селина спросила, что он увидел, но он сказал лишь, что теперь ему нужен старый технический отчёт. Она заметила уклончивость и не стала настаивать; за два дня они успели научиться отличать задержку ответа от лжи не всегда, но иногда.

Поздним вечером Нора позвонила сама. Нилс сидел рядом, и она говорила коротко, чтобы он не услышал дрожь.

— Мне сказали, что завтра снова будет взыскание.

— Пока статус действует, да, — ответила Селина. — Мы нашли несоответствие в районном и центральном свидетельствах. Теперь проверяем, кто внёс позднее исправление.

— У вас всё ещё нет имени.

— Нет.

— Хорошо. Тогда не называйте виновным первого, кто попадётся. Я уже знаю, как это бывает.

Селина почувствовала, будто её ударили по старой ране. Нора не знала о прежней профессиональной ошибке; просто говорила то, что сама переживала.

— Вы правы, — сказала она. — Я буду осторожна.

— А быстро можете быть одновременно?

Селина посмотрела на часы. До рассвета оставалось несколько часов.

— Попробую.

Нора положила трубку, не попрощавшись. Селина не обиделась. Разговор был бы длиннее, если бы у женщины впереди не стояло ещё одно утро, способное отнять у неё целый год.

На другом конце города Восс задержался в кабинете после ухода персонала. Он вытащил из ящика узкую папку с расписанием клинических назначений на предстоящую неделю. В графе получателей одни строки были помечены медицинскими кодами, другие — только номерами внутренних направлений.

Он медленно просматривал даты.

Когда боль в груди стала сильнее, он поставил обе ладони на стол и дождался, пока пройдет приступ. В зеркальной стене темнела его фигура; если смотреть издали, ничто не выдавало возраст, записанный в паспорте.

— Ещё неделя, — сказал он тихо.

Секретарь, вернувшаяся за забытым зонтом, услышала лишь конец фразы.

— Что-нибудь нужно, господин Восс?

Он поднял голову, и на лице вновь появилось спокойное выражение.

— Нет, благодарю. Подготовьте к утру свод по медицинским назначениям. Важно, чтобы город увидел, сколько хорошего мы сделали.

Когда дверь закрылась, Восс снова посмотрел на таблицу. Самые ранние назначения были уже распределены. Остановка означала бы для него больше, чем потерю власти, и он не собирался оставлять такое решение двум людям, которые только начали понимать устройство системы.

Часть II. Покупатели

Глава 9. Белый коридор

На восьмом рассвете Нора не вскрикнула. Она просто села на кровати и почувствовала, что кто-то туго затянул ей вокруг груди невидимую ленту.

Нилс услышал, как она выронила стакан. Он прибежал босиком, наступил на осколок и не заметил крови на пятке.

— Мама, скажи что-нибудь.

— Поставь чайник, — попросила она.

Говорить было легче, если просить о привычном. Чайник, ключи, школьный шарф, молоко из холодильника. Но мальчик смотрел на новое углубление у её виска. Нора увидела это и отвернулась к стене.

Пока он подметал стекло, она посчитала годы. Ей сорок три. Восемь утр. Тело, которое теперь ей принадлежало, соответствовало пятидесяти одному. Она помнила, как в сорок два впервые пробежала городской забег на пять километров, и ту нелепую гордость, когда финишировала последней в возрастной группе. Год спустя она собиралась повторить. Теперь даже путь до остановки требовал короткой передышки.

На телефоне зазвонила Селина.

— Как вы?

— Будто мне кто-то отдал чужой плащ, а я должна за него отвечать. Вы нашли оригинал. Что ещё им нужно?

— Сегодня мы будем требовать срочного закрытого сверения. Сейчас проверяем необходимые основания.

— Вы говорите «сегодня» уже третий день.

Селина не спорила.

За полчаса до этого из районной приёмной позвонили с другой бедой. Один из людей, чьё дело попало в список ночных исправлений, потерял сознание в очереди. Его звали Пауль Керн. Работал он смотрителем школьного имущества, принёс узкую клятву сохранять доверенное оборудование и устранять подтверждённые утраты. Магазин вернул ему прибор по гарантии, районный акт зафиксировал возвращение, а центральное свидетельство продолжало утверждать, что вещь не восстановлена. Керн уже несколько рассветов старел под этим решением.

Селина приехала в приёмную раньше скорой. Пауль сидел на полу, прислонившись к батарее. Рядом стояла женщина в форме школьного повара и гладила его по плечу, хотя он сердито просил не устраивать представления.

— Я сам встану, — говорил он. — Только дайте немного воздуха.

Ему было трудно произносить длинные предложения. Селина попыталась выяснить дату последнего взыскания, но он поднял руку.

— Потом про ваши даты. Там девочки из пятого класса ждут, я им обещал починить стойку для мячей.

На улице замигали огни машины скорой помощи. В этот момент вошёл Рейн Вальтер, без пальто, с телефоном у уха. Он сам вызвал врачей после сообщения служащей, а теперь старался узнать, в какую больницу повезут Керна.

— Рейн, — сказала Селина, — у меня первичный акт. Они должны остановить его санкцию.

— Возьмём его в проверку. Сначала — дыхание и сердце.

— Вы понимаете, что завтра будет то же самое?

— Понимаю.

Он присел рядом с Паулем, чтобы не нависать над ним.

— Господин Керн, я из Инспекции. Сейчас вам помогут. Я прослежу, чтобы ваши документы не потеряли.

— Документы... — Пауль с трудом усмехнулся. — Хорошо бы ещё меня не потеряли.

Рейн взял его за руку. Селина заметила: пальцы самого инспектора слегка дрожали. Он не пытался спрятать это за строгой позой.

В приёмном отделении больницы Пауля увезли на обследование. Селина хотела пойти следом, но медсестра остановила: без согласия пациента или полномочий на медицинскую информацию дальше нельзя. Рейн остался в коридоре и позвонил родственнице Пауля по указанному контакту. Он сказал только, где мужчина находится, не разглашая подробностей жалобы.

По коридору мимо них везли пожилую женщину. Она пыталась удержать одеяло на коленях, санитар поправил край и объяснил, куда её доставят. На стене висел плакат: «Ваше время имеет значение». Селина отвернулась.

— Нора потеряла восьмой год, — сказала она.

Рейн закрыл глаза на секунду.

— Я знаю. Нам сообщили.

— Она ждёт, что мы наконец сделаем что-нибудь.

— Сегодня попробуем закрытую аварийную проверку. Я уже направил запрос на первичный оригинал и готовлю основание.

— Попробуем?

— Да. Пока я не могу сказать честнее.

Селина опустилась на скамью. Она почти не спала. В голове ходил один и тот же круг: слова Норы, время служебного исправления, номер очередного года, который мог покинуть Резерв в любую минуту.

Рейн неожиданно сел рядом. Между ними осталось пустое сиденье.

— Когда я был маленьким, мать лежала в этой больнице, — сказал он. — Старое крыло тогда было другой формы. Помню, отец всё время ходил за врачами и спрашивал, кто может принять решение быстрее. Я думал, что проблема решается, если найти правильного взрослого.

— Нашли?

— Несколько раз. Каждый помогал в пределах того, что умел. А когда становилось хуже, мне казалось, что все они нас обманули.

Он говорил медленно, глядя на противоположную стену. Селина не расспрашивала. В его голосе впервые за несколько дней не было должностного железа.

— Она выжила? — спросила Селина.

— Да. Ей помогли, и я до сих пор боюсь того, что случилось бы, если бы нужного лечения не оказалось. Наверное, поэтому я так цепляюсь за процедуру.

— Она ведь и нас цепляет.

— По-разному.

В коридоре открылась дверь. Женщина из школы, сообщившая о Пауле, стояла с его курткой в руках. В кармане звякнули связка ключей и несколько мелких монет. Она смотрела на эти вещи так, словно никто не объяснил, куда деть чужую привычную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.